

Андропова Париса Александровна

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ: "СОГЛАШЕНИЕ ЭЛИТ"

Статья посвящена проблемам демократизации в Республике Корея. Автор рассматривает процесс либерализации, как одну из стадий перехода от авторитарного режима к демократическому в контексте теории транзита. Основываясь на транзитологических моделях перехода западных исследователей, автор анализирует этап заключения пакта и достижения консенсуса между элитами Южной Кореи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2008/1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1). С. 5-8. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2008/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ: «СОГЛАШЕНИЕ ЭЛИТ»

Андропова Л. А.
Томский государственный университет

Статья рекомендована к публикации
д. полит. н., проф. Щербинным А. И. и к. и. н., доцентом Савковичем Е. В.

Статья посвящена проблемам демократизации в Республике Корея. Автор рассматривает процесс либерализации, как одну из стадий перехода от авторитарного режима к демократическому в контексте теории транзита. Основываясь на транзитологических моделях перехода западных исследователей, автор анализирует этап заключения пакта и достижения консенсуса между элитами Южной Кореи.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что Республика Корея в 1987 г. пережила «демократический транзит», то есть был совершен переход от авторитаризма в сторону более демократических форм правления. В условиях трансформации политических, экономических и социокультурных институтов южнокорейского общества особое значение приобретает проблема изменения процесса выработки политических решений и механизмов осуществления государственной политики. В этой связи необходимо более подробно рассмотреть субъектность политического действия [Титов 1998: 109]. То есть речь идет о политических акторах, которые контролируют доступные им ресурсы и используют те или иные стратегии для достижения своих целей. Следует сразу заметить, что при существующем многообразии подходов к определению термина «элита» в данной работе мы будем руководствоваться следующим подходом: «организованные группы в обществе, которые способны повлиять на политически значимые решения» [Гельман 2007: 82].

Анализируя демократизацию авторитарных режимов, исследователи пришли к выводу, что в большинстве случаев успешных демократизаций авторитарных режимов инициатива шла сверху от части правящей элиты, расколовшейся на сторонников преобразований, или реформаторов, и противников перемен, или консерваторов [Мельвил 1998: 8]. Реформы начинались не с демократизации, а с предварительной либерализации режима. В отличие от подлинной и институционально подкрепленной демократизации эта либерализация почти полностью контролировалась верхами и могла быть прервана ими в любой момент. В авторитарных условиях, в которых находилась Республика Корея к середине 1980-х гг., либерализация могла включать сочетание политических и социальных изменений, таких как ослабление цензуры в СМИ, расширение степени свободы независимых рабочих организаций, восстановление ряда индивидуальных юридических гарантий, освобождение большинства политических заключенных, возвращение политэмигрантов, терпимость в отношении политической оппозиции.

В большинстве случаев успешных демократических переходов решение политического противоречия состояло в оформлении особого рода пакта между соперничающими сторонами, устанавливающего «правила игры» на последующих этапах демократизации и определенные гарантии для проигравших. За этим следовали первые свободные – учредительные выборы.

Если обратиться к динамической модели перехода к демократии Д. А. Растоу, то фазе либерализации будет соответствовать фаза принятия решения. В данный период большую роль играет узкий круг политических лидеров. А принятие демократического решения можно рассматривать как акт сознательного, открыто выраженного консенсуса [Растоу 1996: 8]. Но необходимо учитывать, что мотивы, толкнувшие политических акторов к подписанию «пакта», могут быть совершенно разными.

Научных исследований, комплексно рассматривающих демократический транзит в Республике Корея, явно недостаточно. В основном, Южная Корея отмечается всеми исследователями-транзитологами, как пример одного из наиболее успешных демократических транзитов третьей волны демократизации. Многие ученые делают акцент на важной независимой роли политических лидеров, или элиты, в демократических переходах. Некоторые транзитологи (Липсет и др.) считали, что успех или неудача демократии зависит от очень случайных пожеланий, выборов, и навыков политических лидеров [Michael G. Burton, Jai P. Ryu 1997]. Таким образом, политическая элита играет важную, если не основную роль в процессе демократического транзита: именно между противоборствующими группировками заключается пакт, который становится основой и для первых свободных выборов, и для дальнейших демократических преобразований в государстве. То есть необходимое условие процесса демократизации политического режима является достижение соглашения между основными политическими акторами.

В данной статье будет рассмотрен процесс либерализации в Республике Корея с точки зрения достижения консенсуса внутри политической элиты. Именно соглашения элит служит основой политической стабильности и проведения дальнейших демократических преобразований без опасений о возможности очередного переворота. Заключение пакта между элитами влечет за собой открытые соревновательные выборы, являющиеся главным элементом процедурной демократии. Таким образом, своей задачей мы ставим анализ процесса либерализации южнокорейского общества, а именно, оформление пакта между соперничающими сторонами политической элиты.

Разумеется, перед заключением пакта проходит «подготовительная фаза» - появление новой элиты как выразителя интересов нового класса в обществе, период более или менее длительной политической борьбы. В нашем случае основное внимание будет уделено вопросу, каким образом разрозненная и противоборствующая элита смогла договориться и достичь консенсуса по основным проблемным вопросам.

Соглашению элит предшествует длительная история конфликтов, кризисов. Выделяются несколько общих черт достижения консенсуса среди элиты. Во-первых, главные элементы компромисса достигаются за относительно короткий период, в пределах от нескольких недель или месяцев до одного-двух лет. Во-вторых, пакт между элитами носит достаточно секретный характер, переговоры чаще всего проводятся кулуарно. В-третьих, данное соглашение затем оформляется в общественно значимых документах, например, конституции. В-четвертых, в принятии решения о достижении консенсуса участвуют только зрелые политики, имеющие опыт в политической борьбе, а не новички от политики. Наконец, общественность (как «контекст») играет важную роль при достижении консенсуса – демонстрации, уличные протесты, митинги.

На протяжении всего времени существования Республики Корея и до 1987 г. политическая элита не была монолитной. Несмотря на то, что у официальной власти достаточно часто не существовало легитимной оппозиции в парламенте, фактически всегда были группировки, противостоящие сторонникам того или иного президента, которые обладали ресурсами для организации митингов и демонстраций. Начиная с момента основания страны в 1948 г. элита Южной Кореи была фрагментированной.

В период Первой Республики элита была поляризована между силами, поддерживающими Ли Сын Мана и его правящую Либеральную партию и теми, кто поддерживал антиправительственную Демократическую партию; между высшим военным составом, полицейскими чиновниками, правительственными бюрократами, ведущими бизнесменами с одной стороны и политическими деятелями оппозиции, интеллигентами, журналистами, и религиозными, профсоюзными и студенческими лидерами с другой стороны. Кроме того, каждый лагерь был внутренне расколот. Отсутствие единства среди политической элиты впоследствии стало одной из причин ниспровержения политического режима Ли Сын Мана в 1960 г., когда вооруженные силы отказались подавить массовые студенческие протесты против фальсифицированных результатов очередных перевыборов первого президента. Затем в мае 1961 г. происходит очередной переворот, совершаемый военными, которые приходят к власти во главе с генералом Пак Чон Хи. Начинается очередной виток усиления авторитарных тенденций, власть президента становится практически неограниченной (Поправки к Конституции 1972 г.: президент избирался сроком на 6 лет не прямым голосованием, а коллегией выборщиков на любое количество сроков; парламент был заменен Национальной конференцией, усилилась роль карательных органов, запрещались оппозиционные партии) [Булычев 2002: 17]. Демократическое оппозиционное движение растет, назревает кризис политической власти, но в 1979 г. офицер Пак Чжон Хи убивает его. В результате подавления мятежа и государственного переворота 1979-1980 гг. к власти приходят молодые офицеры во главе с Чон Ду Хваном.

Краткий экскурс в политическую историю РК свидетельствует об отсутствии единства среди политической элиты. Даже если не принимать в расчет оппозицию, которая достаточно долгое время не имела возможностей влиять на принятие политических решений, так как не была легитимной, то внутри правящей верхушки не было согласия. В результате государственных переворотов к власти приходили не сторонники оппозиции, а группировки членов правящей элиты, жаждущие получить больший доступ к властным ресурсам.

Период Пятой Республики президента Чон Ду Хвана характеризуется нарастанием антиправительственных демонстраций оппозиции, выступавшей за немедленный переход к демократии, и давлением внешних сил (в основном, правительства США). Под влиянием этих факторов принимаются поправки к Конституции: ограничен срок нахождения на посту президента семью годами, запрещено повторное занятие поста президента и незначительно усилена власть законодательной и судебной власти.

Несмотря на некоторые уступки существующего режима требованиям оппозиции, сторонники дальнейшей демократизации РК все активней разворачивали свою деятельность. На протяжении всего существования Пятой Республики регулярно проводились акции протеста, антиправительственные демонстрации, митинги [Курбанов 2002: 532]. На выборах в Национальное Собрание в 1985 г. было представлено пять крупных партий, незадолго до этого лидеры оппозиционного движения образуют Ассоциацию за содействие демократизации. На выборах правящая партия получает относительное большинство мест в парламенте – 32,2 %, тогда как остальные места были разделены между сторонниками более демократического курса: либо ярых противников существующего режима, либо сторонников Чон Ду Хвана, выступающих за дальнейшие реформы.

Результаты парламентских выборов свидетельствовали о некотором «потеплении» политической ситуации в стране. Реальной силы оппозиция в законодательной власти пока не имела. Поэтому основными средствами борьбы за изменение политической ситуации оставались студенческие протесты, выступления рабочих и публичные выступления видных религиозных и политических деятелей. Кроме того, некоторая часть бизнес-элиты также перешла на сторону оппозиции – активное вмешательство правительства Чон Ду Хвана в экономику страны, необходимость подчиняться указаниям «сверху» стали причинами смены политических ориентиров у экономической элиты страны - стремление добиться больших политических прав и свобод. В этом контексте заявление президента Чон Ду Хвана о возможном принятии требований оппозиции в

начале 1986 г. знаменовало изменение ситуации внутри власти, ее готовность идти на некий компромисс с оппозицией.

Таким образом, подготовительная фаза (по Растоу) активно развивалась, поляризация политической элиты достигла, практически, кульминационной точки – оппозиция активизировала свои действия, получив поддержку от бизнес-элиты страны, раскол в правящей партии усиливался. На фоне постоянно растущих по масштабу протестов и студенческих выступлений, публичный отказ Чон Ду Хвана от своих предыдущих заявлений, его намерение отложить сроки пересмотра Конституции и арест одного из лидеров оппозиции Ким Де Чжуна вызвали острый всплеск антиправительственных демонстраций и обострили раскол внутри правящей партии. Президент был вынужден пойти на некоторые уступки, в том числе были сняты со своих постов радикальные члены правящей партии.

Правящая партия назвала своего кандидата на пост президента – Ро Дэ У, одного из ближайших соратников нынешнего президента. Оппозиция отказывалась идти на переговоры с властью, требуя немедленного созыва референдума. Страна была в состоянии политического кризиса. Правительство стояло перед выбором: либо применение жестких репрессивных мер, либо пересмотр Конституции. Принятие решения в пользу авторитарных методов означало если не гражданскую войну, то жесткое противостояние государства и оппозиции, возможный раскол страны, в котором у оппозиции нашлось бы много сторонников. Правительство приняло решение о введении плана демократизации, который включал принятие всех требований оппозиции.

Таким образом, в Республике Корея в 1987 г. правящая элита сделала выбор в пользу стратегии кооперации. Стратегия подавления в данном случае оказалась «слишком дорогостоящей» – цена репрессий против оппонентов намного превышала цену терпимости [Гельман 2007: 84]. Кроме этого, в 1980-е гг. оппозиция уже обладала достаточным набором подконтрольных ресурсов, который включал не только поддержку широких слоев населения (рабочие, студенчество), но ресурсы бизнес-элиты.

Заявление Ро Дэ У от имени правительства о готовности пересмотреть Конституцию и созвать народный референдум стало важным шагом в процессе достижения консенсуса среди политической элиты страны. Новая Конституция отражала компромисс, на который пошли обе стороны: не были внесены такие поправки, выдвигаемые оппозицией, как введение поста вице-президента, разделение компаниями прибыли с рабочими и некоторые другие. В свою очередь, правящая сторона вынуждена была принять положение в преамбуле о «духе демократии» и о необходимости для вооруженных сил соблюдать политический нейтралитет [Michael G. Burton, Jai P. Ryu 1997].

Разумеется, эти поправки к Конституции были лишь видимой частью многочисленных кулуарных и тайных переговоров между членами правящей партии и оппозицией, в которых участвовали представители экономической элиты. Разумеется, каждая из группировок рисковала – степень неопределенности результатов заключения пакта была достаточно высокой: особенно велик был риск для Чон Ду Хвана и его сторонников.

Принятие демократического решения, а именно, внесение поправок в Конституцию, можно рассматривать как акт сознательного, открыто выраженного консенсуса. Новая Конституция не означала победу оппозиции, ее смысл был в оформлении особого рода пакта между соперничающими сторонами, который устанавливал «правила игры» дальнейшей политической борьбы. Отношения внутри политической элиты основывались теперь на взаимном принятии акторами условий конкуренции и на формальном обеспечении гарантий для всех.

Практически стопроцентная поддержка проекта поправок к Конституции – 93,1% [Michael G. Burton, Jai P. Ryu 1997] свидетельствовала о легитимации пакта не только основными политическими силами, но и населением. Затем, в полном соответствии с теорией демократического транзита последовали первые свободные учредительные выборы. Но в результате раскола внутри оппозиции, невозможности двум ее лидерам договориться, победу на президентских выборах 1987 г. одержал представитель правящей партии Ро Дэ У.

Соглашение элит было только первым шагом на пути достижения консенсуса между политическими группировками. Необходимо было время для закрепления демократического развития, для того, чтобы участники властных отношений привыкли к новым «правилам игры», чтобы элита из фрагментированной и плохо интегрированной стала консенсусной. На протяжении последующих лет шел процесс демократизации, а затем и консолидации политического режима.

В данной статье был проанализирован процесс достижения «соглашения элит» на фоне либерализации политических процессов в стране. Южнокорейская элита, долгое время бывшая фрагментарной, пошла по пути объединения элит, достижения консенсуса внутри элиты, интеграции политических группировок. Для того чтобы проанализировать, насколько данный процесс был успешен и результативен, необходимо рассмотреть изменения политической ситуации в 1990-2000-е гг., состава элиты, ее структуры и функций. В данной статье мы лишь рассмотрели процесс либерализации для осмысления демократического транзита в Республике Корея, его соответствия моделям, описанным в теории.

- Булычев Г. Б.** Политические системы государств Корейского полуострова: Учебное пособие. – М.: МГИМО(У) МИД России, 2002. – 167 с.
- Гельман В. Я.** Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. – 2007. – № 2. – С. 81-108.
- Курбанов С. О.** Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – 626 с.
- Мельвиль А. Ю.** Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-39.
- Растов Д. А.** Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5-15.
- Титов В. Н.** Политическая элита и проблемы политики // Социс. – 1998. – № 7. – С. 109-115.
- Burton, Michael G., Ryu, Jai P.** South Korea's Elite Settlement and Democratic Consolidation [Электронный ресурс] // Journal of Political and Military Sociology – 1997. – Summer. - http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3719/is_199707/ai_n8759983.

О КОММУНИКАТИВНО-ТРАНСЛЯЦИОННОМ МЕХАНИЗМЕ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

*Боброва С. П., Высоцкая А. Л.
Ивановский государственный энергетический университет*

**Статья рекомендована к публикации
д. и. н., доц. Будник Г. А. и к. филос. н., доц. Бутыриной М. В.**

В статье рассматривается механизм трансляции культурной памяти, коммуникативно-семиотические средства, главные изменения мифологического культурного кода и кодирования знания.

Открытие современным человеком сущности мифологии, ее функций, ее места в общественной и индивидуальной жизни позволяет понять другие народы, в том числе и архаичные. Для сегодняшней цивилизации важность этого в том, что мифологические законы обосновались в урбанистическом обществе, в том числе и в демократическом. Это обстоятельство, возможно, означает, что миф всегда отражал фундаментальные человеческие ценности и тенденции. Поэтому мифологическое сознание есть атрибут человека. Оно несет ценности бытийного размаха отсюда его вечность и всеохватность. Каждый человек воскрешает в своем поведении многочисленные мифологические стандарты, символы, которые никогда не исчезали из человеческого психики. Необходимо подчеркнуть, что мифологические образы и сюжеты, иногда скрытые или размытые обнаруживаются повсеместно - в искусстве, политике, обыденности. Появившиеся на свет мифы проецируются на различные объекты, но всегда имеют функциональную нагрузку. Они удовлетворяют потребности личности. Даже в светских обществах мифология присутствует и строится вокруг идеи социального мировоззрения. Она проникает в объяснение происхождения общества «и тщательно описывает этапы его становления вплоть до состояния его совершенства, которое, как ожидается, будет бесповоротно. Божество, изгнанное из природы, находит укрытие в обществе. Мифы... обещают индивидууму очень многое, в том числе, в чем он нуждается всегда - защиту, то, что он выйдет победителем из борьбы, если будет следовать идеалам и установленным правилам, придерживаться шкалы, предложенной ценностной иерархией...» Так же необходимо присутствие тайны. «Даже светские мифологии - во многом тайные знания, они могут смертельно обжечь того, кто попытается овладеть ими. Чем больше тайн окружает мифологические ценности, символы и идеалы, тем значимее сама мифология в целом, ее носители и хранители, тем сильнее связывающие их силы» [Антонян 2001: 187-188].

Поэтому в мифологии сильна ценностно-нормативная сторона. Она влияет на коммуникацию и трансляцию знания, стабилизацию отношений между миром и социумом. С помощью коммуникативно-трансляционного механизма в мифологическом сознании идет кодификация мира, в которой преобладают знаки близкие к естественным природным, динамика развития которых привела к появлению образности. С усложнением жизни социумов, с появлением городов появляется потребность в новом способе кодирования культурной памяти, в новом способе самоорганизации культурной системы. Происходит перестройка культурного кода. В связи с появлением письменности меняется форма кодирования знания, большое развитие получают простой и священные языки. Язык по-настоящему получает развитие лишь с появлением письменности, возникающей в условиях резко меняющейся жизни социумов, т.е. там, где возникают городские центры, имеющие государственную бюрократию.

Сознание осваивает это новое социальное пространство, создавая новые формы предметности (строительство, ирригация и т.д.) и знаковой деятельности, наполняющие новым содержанием идеальный параметр главного культурного кода. Городская цивилизация создает новую жизненную реальность, что заставляет изменяться социальные связи (из-за развитого разделения труда) и самоорганизацию культурной системы. Родовые способы самоорганизации, основанные и выражающиеся в первобытном мифе, уже не работают, т.к. мифологический культурный код, в котором необходимо тождество знаковости, идеальности и